ЕВА
СПЕРАНСКАЯ

Вороний дом

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С71

Редактор серии *Л. Латышова*
Иллюстрация на переплете *Аны Награни*

Сперанская, Ева.
С71 Вороний дом / Ева Сперанская. — Москва : Эксмо, 2027. — 352 с.

ISBN 978-5-04-248939-6

Осень 1834 года.

Петербург терроризирует жестокий убийца, чей мотив куда страшнее обычной жажды крови. Обезглавленные тела, черная магия, зловещие куколки...

Стажёр Эфирной жандармерии Людвиг Рогге выясняет, что эти преступления имеют отношение к древней силе, дремлющей в карельских болотах.

На кону судьба всего города. Готов ли Людвиг узнать правду? Ведь ключ к разгадке спрятан в его собственном прошлом, а предателем может оказаться тот, кому он доверял больше всех...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248939-6

© Сперанская Е., 2027
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2027

ПРОЛОГ

Она была красива. Даже без головы.

Поэтому Архипка сначала скользнул взглядом по обнаженной груди, которую едва прикрывало тяжелое серебряное ожерелье, и только потом заорал благим матом на все озеро.

— Заткнись, окаянный, — дал ему подзатыльник дед. — Срамотища-то какая, дай-ка мне вон тот мешок. Хоть его натянем. Негоже покойнице так.

Архипка вытащил из нехитрых рыбачьих пожитков серый мешок. Сердчишко его билось где-то в горле — вдруг пошлют мертвую одевать. Но старик сунул внуку весло и приказал грести к берегу, а потом сам с хрустом спрыгнул на гальку.

Уткнувшаяся в плавник лодка с безголовой на ней была крупнее дедовской, с парусом. Тот валялся на берегу, изгвазданный в крови, а покойницу кто-то к мачте привязал, да так затейливо, что одна рука ее была снастью подцеплена и на ветру махала.

Это глазастый Архипка и приметил: машет кто-то, отчаянно так. Паруса нет, видать, слу-

чилось что на острове, подсобить надобно. Тут поутру шаром покати, одни они с дедом в октябре на рыбалке мерзнуть собрались, пожалели незнакомца, подплыли узнать, чего стряслось. Узнали...

Дед меж тем на борт поднялся, сплюнул через плечо, прошептал что-то, а потом мешок по краю разодрал, чтобы накинуть. Тут Архипку совсем жуть взяла, потому как еще хуже стало — стоит у мачты куль грязный и рукой белой машет.

— Эй, — крикнул дед, — не стой столбом, весло упустишь! Дуй давай к становому приставу. Скажи — душегуб в Лахте завелся.

Архипку окрик выдернул из оцепенения, он бросился вытаскивать камень, что служил якорем, и прилаживать весла.

— Я быстро, деда, быстро, — приговаривал Архипка скорее себе. Но быстро не получилось.

Поначалу судьба ему благоволила. Далеко ехать оказалось не надо. Едва Архипка, перепрыгнув из лодки в телегу и погоняя каурую лошадку, миновал первые дома, как увидел самого пристава Тяпкина. Тот, взобравшись на чьи-то расписные сани, громко вещал, потрясая над толпой деревенских пальцем:

— А ежели опосля тут покойника найду, так вы заместо вора под розги пойдете или на каторгу. Мы конокрада сами поймаем, лошадок ваших вызволим да хвост ему накрутим. Так что не галдеть, не бурлить и оглоблями попусту не махать.

Чухонцы, а в деревне жили в основном они, ничего такого не делали — народ молчаливый, смирный. Потаенный такой. Эта мрачная тишина пугала Архипку больше привычной брани. Но он был мальчиком храбрым, так что, подъехав ближе и заметив, что к нему обернулись, крикнул что есть мочи:

— А покойник-то как раз и есть! На озере. Дед вас зовет разобраться.

По рядам чухонцев пронеслись тревожные вздохи, толпа наконец оживилась.

Становой пристав покинул сани, и деревенские перед ним расступились, пропуская.

— Что орешь? — проворчал он. — Какой такой покойник? А лошади хоть там были? Свел, чухонцы говорят, лошадей кто-то...

— Нет, ваше благородие. Только покойница. Баба то есть.

— Какая еще баба?

— Без головы, — бодро сообщил Архипка.

Пристав пригладил усы, лицо его выражало сложную борьбу воображения с реальностью:

— Это что ж получается, безголовая баба трех лошадей со двора свела?

В этом месте Архипка почему-то расхохотался, и такой его разобрал смех, что не остановиться, дрожь по всему телу прошла, руки похолодели разом.

Пристав пригляделся, достал маленькую серебряную пластинку, и ее тут же заволокло черным. Будто огнем опалило.

— Э-э-э, парень, да ты за собой дряни эфирной приволок. Да сильной.

На этих словах толпа чухонцев разом рассеялась по деревенским закоулкам. А пристав дал хохочущему Архипке оплеуху.

— Живой? — вздохнул он, наблюдая, как мальчишка, очухавшись, лупает глазами. — Если на одном тебе столько эфирного следа приехало, страшно подумать, что ж у вас там на озере. Давай-ка мы в управу съездим, надо капитана позвать, который от Эфирного Присутствия.

Пока ездили, пока ждали капитана, солнце совсем поднялось, холодный туман рассеялся рваными сизыми облачками. Архипка тревожно поглядывал на дорогу за окном, а в голове его носились мысли одна страшнее другой. Каждая из них пророчила деду поединок с безголовым чудовищем. Пристав налил кипятку и дал баранку, так что Архипка пригрелся и то и дело проваливался в полудрему. Окончательно очнулся он на том моменте, как дед отбивался веслом от безголовой и кричал почему-то: «Вот тебе, курей душить! Вот тебе, курей душить!» За окном несся мужик с метлой, а от него во все лапы пятнистый пес. Пес был более ловким, удары метлы проходили мимо. В последний момент он резко свернул и скрылся в дыре забора, куда преследователь мог просунуть разве что голову.

И тут дверь открылась, в управу вошел капитан. Лицо у него было гладко выбрито, сапоги

блестели так, будто он по воздуху летел, а не чапал по октябрьским грязям.

— Капитан Эфирного Присутствия при Третьем отделении собственной Его Императорского Величества канцелярии Адашев, — отрапортовал он без единой запинки. — Что у вас тут произошло?

Пристав выскочил из каморки, где до того грелся, и явно не только чаем, и от слов этих вытянулся, будто парус вдоль мачты.

— Такое дельце-с, Николай Львович, что без вашего добродетельного участия никак нельзя.

Названный по имени капитан задержал взгляд на Архипке, и взглядом этим того до печенок пробрало. Хотя глаза были обычные, серые, даже не злые. А потом резко обратился к приставу:

— У вас наузы[1] защитные закончились?

— Никак нет-с!

Капитан принюхался, смешно дернув длинным носом:

— А зачем вы тогда водкой от малефиции разум закрывали?

— Так оно это ж... тогось... — виновато переступил с ноги на ногу пристав.

— Запомните уже, что это дремучее суеверие. Пьяного заморочить легче. Давайте к делу ближе, Тяпкин. Что мальчишка натворил? Мал вроде, а от него малефицией несет на три квартала.

---

[1] Науз — амулет в виде узла.

— Он-то ничего-с. А вот весть принес, что на озере тут недалеко бабу без головы нашел. Дед евойный караулить остался. Я как заметил следы эфирные, так за вами и послал.

— Хорошо, если так, — ответил капитан, снова в упор разглядывая мальчишку.

Архипка сжался, будь его воля, вообще под скамейку нырнул бы, но еще один взгляд выдержал.

— Рассказывай, как дело было.

— Я, ваше благородие, не виноватый! — вдруг сорвалось у Архипки, он даже зажмурился, вдруг ударят. А когда открыл глаза, увидел, что капитан даже шага к нему не сделал, только усмехается.

— То, что я чувствую вокруг, ребенку не устроить. А вот чуйка в тебе есть эфирная, так это не вина, а талант такой даден. Расскажи не только что видел, но и что виделось. Понял меня?

И Архипка рассказал. Даже про курей. На этом месте невозмутимого капитана проняло, фыркнул легонько так, но глаза потеплели.

На озеро возвращались целым караваном. Впереди Архипка на телеге, а за ним бок о бок верхом пристав и капитан. Это наполняло душу необычайной гордостью: вот он, значит, какой человек важный, Архип, Сидоров сын, что за ним люди такие едут, как за енералом. От такого и страхи подразбежались, к озеру Архипка подъехал готовый, коли надо, сам колом осиновым нежить гонять. Но, к счастью, не пришлось.

Дед успел развести на берегу острова, подальше от кровавой парусины, костерок и ждал их спокойно. Становой пристав по приказу капитана пошел остров осматривать, а Николай Львович забрался на лодку и все ходил туда-сюда, вынюхивал что-то. Дед тревожно поглядывал, не спуская с него взгляд. Потом капитан остановился, провел рукой вдоль мешка, которым покойница была укрыта, не касаясь.

— Ты здесь что-то трогал или внук твой?

— Дак это, прикрыл, негоже, чтоб баба голая.

— Не баба, а дама, — вздохнув, поправил капитан, — затоптали все, следы эфирные растащили, на себя дряни нацепляли.

На этих словах дед побледнел и схватился за ладанку на шее. Капитан меж тем медленно стащил мешок и склонился над покойницей, оглядывая место, где когда-то была голова.

— Голову ей уже мертвой отрубили, а то бы кровью все залило, — будто диктуя кому-то, говорил он. — И вот что странно, малефиция чувствуется по всей лодке, а источника нет. Ни науза, ни амулета, ни фигурки какой. Ничего отсюда не брали?

— Нет, вашблагородие! Вот вам крест, только мешок свой отдал! — ответил дед.

Архипка подумал, что, и случись ему надобность, соврать капитану Адашеву не смог бы. Уж больно глаза у того цепкие, даже если он на лодке стоит, а ты на берегу. Застыл — и не отвернуться, а внутри все щекотится, будто самую душу пальцами прощупывают.

Покружив по лодке еще немного, капитан вернулся на берег, к дедову костру. Воды было тут немного, но, похоже, в сапог черпнул, так что теперь морщился и был похож на кота, который прыгнул в дождливый день на крыльцо и брезгливо отряхивает лапы. Но трясти ногами капитан не собирался, только к огню подошел поближе, наблюдая, как спешит к ним обшаривший все кусты пристав:

— Ваше благородие, тут ничего примечательного, но пень нашел, на котором голову рубили. Топора нет нигде. И кусты поломанные, оттуда ее на парусине к лодке подтащили, чтоб самим не пачкаться.

— Следы?

— Сапоги токмо. Двое их было, душегубов. Один рубить ходил, другой по берегу топтался. Там, за лодкой.

— Не стариковские?

— Нет, у старика нога меньше, да и там скорее армейские, как у вас. Крепкие.

— Спасибо, Тяпкин, — кивнул ему капитан, а потом повернулся снова к деду с Архипкой. — А вы отправляйтесь домой и сразу в баню. В парную, с веником, лучше дубовым, а всего лучше вересковым. И в воде, которой на каменку плескать будете, заварите чернобыльник. Если начнут одолевать кошмары, обращайтесь в управу, пришлем кого-нибудь для полного эфирного очищения.

— Благодарствую, вашблагородие, — поклонился дед и ткнул разинувшего было рот от удив-

ления Архипку. Вот уж он не думал, что капитан Эфирного Присутствия их в баню пошлет.

— И еще... — снова обжег он взглядом мальчишку, — у внука вашего эфирное чутье имеется. Придете вон к Тяпкину, прошение на мое имя он вам напишет, зачислим мальчика в земскую эфирную школу за казенный счет.

Тут Архипка чуть на песок задом не шлепнулся, как ноги подкосились. Слыхано ли дело — эфирных дел мастером стать. Это и барин не каждый может! Дальше он в разговор пристава с капитаном не вслушивался, представляя, как пойдет по деревне и будет уже не просто Архипка, а знахарь деревенский, с бумагою гербовой от Эфирного Присутствия.

И вдруг все как заорут: дед, как обычно, по матери, пристав — что-то похожее, а капитан — «Берегись!». Из воды, покачнув лодку с покойницей, выскочил вдруг громадный сом, человека больше, перевернулся в воздухе и с громким плеском снова в воду вошел, будто не было.

Архипке показалось на миг, что глаза у сома человечьи.

ГЛАВА 1

Эфирное Присутствие, как обычно сокращали длинное название «Особое Присутствие по эфирным делам при Третьем отделении собственной Его Величества канцелярии», выходило фасадом на набережную Фонтанки и прозывалось Вороний Дом. Больно уж непривычно его окрасили в строгий темно-серый — среди домов розовых и зеленых и вправду словно ворона в стайке певчих птиц. Зато не заблудишься, мимо не пройдешь и серьезные мысли навевает.

Парадная «фонтанная» лестница предназначалась для начальства, классных чинов, то есть офицеров и чистой публики, пришедшей с прошением или вызванной по делу следственным приставом. Для публики попроще и чинов пониже — две боковые, там же ящики в рост человека для письменных прошений. Их перебирал и сортировал каждодневно отдельный назначенный письмоводитель.

Стажер Людвиг Ронге поднялся по боковой лестнице — его едва не внесло туда порывом осен-

него мокрого ветра и тут же закружило утренней сутолокой Эфирного Присутствия. В гуще людей Людвиг всегда чувствовал себя дурно — его нюхаческий дар, за который отличали и хвалили университетские преподаватели, начинал сходить с ума от смешанных эфирных и просто чувственных следов. Словно тонкий гурман оказывался в толпе, где пахнет овчинами, пóтом, луком, камфорным маслом, перегаром да еще и одеколоном поверх.

Его чуть не сбил с ног пролетевший навстречу жандармский капитан Адашев, Людвиг вспомнил его фамилию. Спешил к потайной лесенке, что вела к конюшне. Верхом, значит, поедет.

Людвиг забился в дальний угол скамьи под плакатом-предупреждением «Воспрещено вносить в здание и тем паче использовать чудинские амулеты без особого на то разрешения» и приготовился к долгому ожиданию. К нему немедленно подсел не слишком опрятный мужичок со всклокоченной бородой и принялся нудно жаловаться на соседа:

— Веришь ли, парень, чуть не с Покрова сюда хожу и хожу рассказать, что ирод этот Лукьяныч в своем дому чертей из морковки вылупляет, и значит, так и есть он чернокнижник, расшиби его лихоманка! А тут мне и говорят...

Чернокнижниками в народе звали малефикаторов — пожалуй, самых опасных эфирных преступников, которые действительно могли создать

эфирную сущность сами. Но ни один из малефикаторов прошлого, которых изучали в университете — а не сказать, чтобы их было очень уж много или хоть один из них мог бы остаться в тени, — не был замечен в изготовлении чертей из моркови, а равно иных корнеплодов. Впрочем, мнение Людвига собеседнику не требовалось, и юноша мог кивать вежливо и мерно.

На скамье напротив теснились дамы, как на подбор с фероньерками[1] на лбу, да особенными — черная бархотка уходит под волосы, а посреди нее жемчуг. Мода медиумов. Конечно, среда — день, когда с утра можно получить или продлить медиумическую лицензию. Мода волновала бы Людвига примерно никак, но на особом курсе их учили разбираться в одежде, чтобы и описать метче, и считать точнее, кто перед ними. Одно ведь дело рубаха из ксандрейки[2] или драдедамовый[3] платок, другое — барежевое[4] платье и атласные ботиночки.

Тесноту приемной, подобно кораблю, рассекающему волны, прорезал молодой, преувеличен-

---

[1] Фероньерка (*фр.* ferronnière) — женское украшение в виде обруча, ленты или цепочки с драгоценным камнем, жемчужиной или розеткой из камней, надеваемое на голову и спускающееся на лоб.

[2] Ксандрейка (или александрейка) — это старинное название хлопчатобумажной красной ткани, которая была популярна в одежде бедняков, особенно для рубах.

[3] Драдедамовый платок — это большой, обычно шерстяной платок, часто зеленого цвета, символ бедности.

[4] Барежевое платье — сшитое из бажера, тонкой полупрозрачной дорогой ткани с неярким узором, символ достатка.

но серьезный поручик с серебристой эфирной нашивкой на мундире. Он тащил за собой упирающуюся и возмущенную молоденькую цыганку, босоногую, в съехавшем на затылок ярком платке. Поставил ее рядом со скамейкой медиумов — те отодвинулись, а девчонка села на пол, скрестив ноги под выгоревшим драным подолом, и немедленно завела:

— Да что ж это такое? Люди добрые, вы поглядите только! Посередь белого дня хватает да тащит, а я ни в чем не виновная, вот вам святой истинный крест! А что гадаю, так это нам заповедано так, и одну правду я говорю...

Растворилась одна из дверей, высунулся озабоченно сухонький старичок-письмоводитель. Людвиг его знал: Афанасьев Степан Мартыныч, самому эфирполицмейстеру Соболеву верный помощник и правая рука. Значит, эфирполицмейстер здесь...

— Ваше благородие, господин Рыльский, голуба. — Старичок ухитрился, вроде бы не повышая голоса, перекрыть цыганку. — Вы зачем нам тут эдакий кордебалет устроили?

— Так гадает девица без всякой лицензии, и гадает-то метко!

Людвиг прислушался к эфирному следу цыганки. Слабенький. Будь он ароматом, пахло бы слабым чаем и далеким дымом.

— Я вам, господин Рыльский, без всякого дара эфирного предсказать могу, что сейчас у нас бу-